

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ,
ОБЩЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ответственные редакторы

*В. В. Знаков,
А. Л. Журавлёв*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2018

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*Ю. И. Александров, Ю. В. Быховец, Г. А. Виленская (отв. секретарь),
А. Е. Войскунский, М. В. Дан, Е. Н. Дымова, А. Л. Журавлев (отв. ред.),
А. Н. Занковский, В. В. Знаков (отв. ред.), Н. Н. Казымова, М. М. Кашанов,
В. А. Кольцова, Е. И. Лебедева, В. И. Моросанова, Т. А. Нестик,
Е. А. Никитина, Н. Д. Павлова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова,
М. А. Холодная, А. Ю. Уланова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич*

П 86 Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 2216 с.

ISBN 978-5-9270-0381-5

УДК 159.9
ББК 88

В книге представлены статьи, тематика которых перекликается с ключевыми темами творческого наследия двух выдающихся российских психологов — А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. Работы написавших их ученых отражают перспективные направления развития современной психологической науки. В разделах книги представлены основные традиции психологических исследований — когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная. Проблематика статей включает практически весь спектр изучения психики субъекта — познавательные, коммуникативные, деятельностные основания ее развития.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект (18-013-20048) организации Всероссийской научной конференции «Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности», посвященной 85-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова (22–23 ноября 2018 г., Москва)

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2018

ISBN 978-5-9270-0381-5

Кросс-культурные инварианты в архитектуре стыда

*К. И. Ананьева**, *А. Н. Харитонов*** (Москва), *Д. Шнитцер****
(Санта-Барбара, Калифорния)

** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: hristinka.84@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: ankhome47@list.ru*

**** Ph. D., Калифорнийский университет;
e-mail: ankhome47@list.ru*

Охотники и собиратели являются облигатными коллективистами: они живут группами. Каждый член такой группы зависит от взаимопомощи, что характеризует социальную эволюцию нашего вида. Поэтому одной из главных проблем адаптации для наших предков было избегание негативного влияния на желание других членов группы оказывать им помощь. С когнитивной точки зрения, это требует, чтобы каждый человек мог предсказать степень ожидаемого порицания своего потенциального действия, например кражи, относительно прямого выигрыша-приобретения. «Система стыд» проявляет все функциональные свойства, необходимые для решения этой адаптивной задачи. Полученные нами данные подтверждают, что стыд является одной из базовых составляющих человеческой психики. Исследование проводилось в 15 небольших сообществах, разбросанных по Южной Америке, Африке и Евразии. Несмотря на различия в языке, культуре и образе жизни, стыд устойчиво коррелирует с возможным порицанием как локально в каждом сообществе, так и между сообществами. Это предполагает, что «система стыд» не только повсеместно развивает одинаковую функциональную архитектуру, но и содержательно обладает высокой степенью универсальности.

Ключевые слова: стыд, порицание, кросс-культурные исследования, малые сообщества, эволюция.

Работа выполнена в рамках госзадания ФАНО № 0159-2018-0010.

Данные исследований по археологии и экологии поведения охотников-собираателей позволяют предположить, что наши предки-гоминины эволюционировали в условиях, характеризующихся высокими показателями смертности, дефицитом пищи, высокой распространенностью болезней и травм, а также частыми нападениями других людей и хищников (Sugiyama, 2004). Люди во всех таких сообществах полагаются на помощь членов своих групп, необходимую им для выживания и размножения (Clutton-Brock, 2009). Взаимопомощь была такой универсальной и базовой чертой существования охотника-собираателя, что, вероятно, имеет центральное значение для эволюционной биологии нашего биологического вида. Среди сильнейших факторов отбора, определяющих человеческую социальность, была необходимость поддерживать мотивацию к сотрудничеству: члены группы были склонны оказывать помощь во время голода, недееспособности и межличностных конфликтов (Sugiyama, 2004). В этих условиях степень, в которой другие члены социальной группы помогали или воздерживались от эксплуатации человека, оказывала влияние на то, успешен этот человек либо нет.

Решения о том, помогать ли другим, основаны на множестве специализированных архитектур выбора, реализующих решения о вознаграждении за социально правильное поведение, учитывая информацию, доступную для партнеров по взаимодействию. Когда обнаруживается новая информация, которая показывает, что человек менее способен обеспечить соблюдение интересов группы — он обесценивается. В результате такой индивид будет меньше помогать и причинять больше вреда, тем самым вызывая недовольство группы. Предотвращение социального порицания или минимизация его последствий является основной адаптационной проблемой в такой социальной экологии.

В данной работе мы проверяли предположения эволюционной теории о том, что эмоция стыда является действием когнитивной системы, которая развивалась для защиты от социального порицания (Szpuszer et al., 2016). Система, предназначенная для этой функции, должна активироваться в ответ на сигналы, указывающие на перспективу или реальность порицания, и обеспечиваться набором когнитивных механизмов, которые: 1) удерживают человека от действий, которые с учетом социального порицания будут стоить дороже, чем личные выгоды; 2) ограничивают степень, в которой другие узнают и распространяют потенциально опасную информацию; 3) ограничивают степень и стоимость любого последующего социального порицания; и, если таковое все же имеет место; 4) мобилизует человека для адаптивного реагирования на новую социальную ситуацию.

Эти предположения были эмпирически изучены в трех странах: США, Индии и Израиле (Sznycer et al., 2016). Исследование проводилось с использованием удаленного доступа через Интернет. Респондентам был предложен ряд сценариев, которые различались тем, насколько порицание может повлиять на действия или суждения, которые описывают эти сценарии. Как и предполагалось, интенсивность ожидаемого стыда за предложенные акты поведения или черты характера отражает соответствующую величину порицания. Данный результат воспроизводится в каждой из трех указанных стран. Более того, интенсивность порицания в каждой из стран соответствовала масштабам порицания в двух других странах и, следовательно, позволяет предполагать, что общечеловеческие критерии социальной оценки порождают стыд и порицание в тандеме, другими словами, порицание и стыд — это два противоположных феномена, имеющих один источник. Печаль и беспокойство — две другие негативно-окрашенные эмоции, которые активируются вместе со стыдом, — не соотносятся с порицанием.

Хотя это исследование позволило сделать предварительные выводы, выборки представляли относительно малочисленные группы пользователей Интернета, имевших достаточно высокий уровень образования, из относительно богатых страны с культурой западного или вестернализованного типа. Возникает вопрос: мы столкнулись с общечеловеческим явлением или с феноменом, который характеризует только индустриально и технологически развитые общества?

В настоящем исследовании пытались понять, является ли «система стыда» фундаментальной частью сообщества людей как биологического вида — и тогда ее проявления должны обнаруживаться во всех человеческих популяциях, независимо от их размера, образовательного уровня и технологий деятельности и общения, а также проверить предположение о том, что «система стыда» возникла и развивалась в небольших локальных социальных группах, где люди знали друг друга, — и поэтому нам было важно найти и оценить свидетельства ее функционирования в небольших, компактно проживающих социумах.

Эмпирическое исследование проводилось с участием 899 респондентов из 15 небольших сообществ, живущих в самых разных условиях (экосистемах) Южной Америки, Африки и Евразии и существенно отличающихся по языку, культуре и способу существования. Были созданы краткие описания 12 ситуаций, в которых чьи-либо действия, качества или обстоятельства могут приводить к негативной оценке человека. Эти сцены были спроектированы так, чтобы вызывать реакции в различных, эволюционно значимых областях —

таких как продолжение рода, доминирование, щедрость, социальный обмен, социальные навыки и здоровье. Они были сформулированы на уровне абстракций, которые не были культурно специфичными (например: «Он ленив», а не «Он ловит рыбу только раз в неделю»).

План исследования был аналогичен использованному ранее Д. Шнитцером с соавторами (Харитонов с соавт., 2016; Sznyser et al., 2016). Испытуемые случайным образом распределялись для работы с понятием «порицание» либо с понятием «стыд». Респондентам, работавшим с понятием «порицание», было предложено представить свои реакции на 12 сцен, как если бы они относились к другому человеку того же возраста и пола (например, «он/она крадет у членов своей общины», «он/она уродлив (-а), некрасив (-а)»). Испытуемым предлагалось по каждой сцене «указать, как Вы будете рассматривать человека, если он находится в предложенной ситуации»; участники исследования должны были оценить свои реакции, используя шкалу от 1 («Я вообще не вижу ничего отрицательного») до 4 («Я бы посмотрел на него крайне негативно»). Эти рейтинги давали конкретную меру того, как члены определенного общества оценивают индивида, описанного в сценариях.

Участникам, работавшим с понятием «стыд», было предложено «указать, насколько сильно вы испытаете стыд, если окажетесь в такой ситуации» (т. е. в каждой из 12 сцен, например: «Вы крадете у членов вашей общины», «Вы уродливы»), по шкале от 1 («Не испытываю стыда») до 4 («Очень стыжусь»). Исключение было сделано для Драа-Тафилале (Draa-Tafilalet), Марокко, где порицание и стыд оценивалось по шкале от 1 до 7.

Стимулы-сцены были одинаковыми для работы с понятиями «порицание» и «стыд», единственной разницей была перспектива, с которой описываются события.

Таким образом, нами были получены результаты шкальных оценок для порицания и стыда в каждом исследуемом сообществе. По всем исследуемым группам была обнаружена связь порицания и стыда: средняя внутриклассовая корреляция по 15 выборкам, участвующим в исследовании, составила 0,83. Другими словами, участники каждого сообщества выражают единое мнение о том, насколько они будут отрицательно рассматривать индивида, описанного в предложенных сценах. Участники также дали согласованные ответы относительно того, насколько они будут стыдиться в каждой из предложенных ситуаций: средняя внутриклассовая корреляция — 0,83. Чтобы проверить основное предположение о том, что стыд отражает степень порицания в обществе, для каждого сценария были вычислены средние оценки степени стыда у участников исследова-

ния, работавших с понятием «стыд», и средние оценки степени порицания по испытуемым, работавшими с понятием «порицание». В подтверждение гипотезы о том, что стыд контролируется представлением о возможном порицании в разных сообществах, было обнаружено, что средние оценки стыда высоко связаны со средними значениями порицания в каждой из 15 групп (средние значения корреляции $r=0,84$, $SD=0,08$). Все 15 корреляций остаются значимыми после применения коррекции False Discovery Rate (FDR) на уровне $p<0,05$. Важно отметить, что исследование проводилось на независимых группах (для условий «стыд» и «порицание»), поэтому высокие корреляции не могут быть следствием представлений отдельных участников о стыде и порицании.

Система стыда развивалась для принятия решений и определения затрат внутри локальной группы, поэтому разные культуры потенциально могут весьма сильно отличаться друг от друга в представлениях о том, что именно стыдно и порицаемо. Действительно, некоторые действия, черты личности и ситуации вызывают порицание в одних культурах, но не вызывают в других (Sznycer et al., 2016). Однако если существует общечеловеческая система социальной оценки, то сценарии, в которых задействуется эта система, могут демонстрировать согласованность оценок представителей разных культур в том, что является постыдным и порицаемым, а стыд в одной конкретной культуре может быть предиктором порицания в другой культуре, несмотря на отсутствие контактов между культурами. Существуют ли ситуации, которые провоцируют порицание и вызывают стыд в разных культурах? Чтобы проверить согласованность между сообществами по феноменам порицания, стыда и связи стыда с порицанием, мы вычислили степень, в которой средние оценки порицания и средний рейтинг стыда сопоставимы между сообществами. Была получена высокая степень согласованности между исследуемыми сообществами в том, в какой степени предложенные ситуации вызывают порицание: среднее значение $r=0,72$ ($SD=0,16$); после процедуры коррекции FDR 76 из 105 корреляций (72%) остаются значимыми на уровне $p<0,05$. Также была обнаружена высокая согласованность между группами по ситуациям, которые вызывают стыд: среднее значение $r=0,69$ ($SD=0,17$); 83 из 105 корреляций (79%) остаются значимыми после коррекции FDR на уровне $p<0,05$. Кроме того, уровень стыда, выявленный для каждой из 15 популяций, положительно коррелирует с порицанием в других 14 сообществах: среднее значение $r=0,69$ ($SD=0,15$); 166 из 210 корреляций (79%) остаются значимыми после коррекции FDR на уровне $p<0,05$. Другими словами, стыд, вызванный предложенными сценами в одном

сообществе (например, шуарские садоводы Эквадорской Амазонки), показывает, насколько негативно люди могут оценивать эти же сценарии в каждом из 14 других регионов (например, скотоводы из Тувы, фермеры-амазиги из Марокко, фермеры из Непала). Кроме того, три важных и широко признанных источника культурных различий между сообществами — географическая близость, лингвистическое и религиозное сходство — никак не объясняют сильные межпопуляционные корреляции в отношении стыда и связи порицания со стыдом, скорее, противоречат им. Таким образом, 15 популяций нашей выборки представляют собой в значительной степени независимые культурные контексты относительно и стыда, и порицания. Поэтому обнаруженные сильные корреляции вряд ли могут быть результатом одинаковых социальных норм, связанных наследованием или заимствованием этих элементов культуры.

Кросс-культурно воспроизводимое, количественно близкое соответствие между предполагаемым стыдом и порицанием для локальных популяций — это то, что мог бы ожидать программист-разработчик от вычислительной системы для противодействия угрозе порицания. Функции тонкой калибровки такой системы помогают индивидууму сбалансировать конкурирующие требования эффективности и экономии, позволяя сделать выбор между сверхчувствительностью к порицанию (что, например, предотвратило бы принятие решения, приводящего к выгоде, превышающей возможные издержки от порицания) и слабым сигналом о стыде, не достаточным для того, чтобы удержать от действия, приводящего к сокрушительному порицанию — вероятному результату безрассудного игнорирования возможности порицания. Выявленная связь не ограничивается западными или англоязычными сообществами — напротив, делает их сходными с другими культурами с разными условиями существования, типами организации общества и используемыми языками. Такая связь, скорее всего, является следствием общечеловеческой адаптации и возникла путем естественного отбора — по-видимому, в филогенезе культуры или конвергентной культурной эволюции (Boyd, Richerson, 1988). Интересно, что согласованность в представлениях о стыде и порицании и их взаимосвязь выявлены не только внутри отдельных популяций, но и между ними. По некоторым данным, разные культуры радикально отличаются друг от друга. Если бы это было так, то представления о порицаемом и о том, что заставляет представителей разных культур стыдиться, должны быть существенно разными. Культурные различия в проявлениях стыда, конечно, существуют (Boiger et al., 2013; Sznycer et al., 2016). Однако в том, что касается стыда, они могут быть следствием одного и то-

го же паттерна адаптации (Sznycer et al., 2016). Более того, устойчивые закономерности в сильно удаленных друг от друга культурах возникают, когда стыд анализируется с точки зрения его вероятной функции и предметной области. Полученные нами данные вносят вклад в растущую совокупность результатов, указывающих на то, что теории функциональной адаптивности являются мощным инструментом для выявления закономерностей в структуре и содержании человеческих эмоций.

Литература

- Харитонов А. Н., Ананьева К. И., Шнитцер Д., Монгуш А. М., Товуу Н. О.* Гордость и стыд: кросс-культурный и эволюционный аспекты // Процедуры и методы экспериментально психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 454–461.
- Clutton-Brock T.* Cooperation between non-kin in animal societies. *Nature*. 2009. V. 4. № 62. P. 51–57.
- Boiger M., Mesquita B., Uchida Y., Feldman Barrett L.* Condoned or condemned: The situational affordance of anger and shame in the United States and Japan // *Pers Soc Psychol*. 2013. V. 39. № 4. P. 540–553.
- Boyd R., Richerson P.* Culture and the evolutionary process. University of Chicago Press, 1988.
- Sznycer D. et al.* Shame closely tracks the threat of devaluation by others, even across cultures // *Proc. Natl Acad. Sci.* 2016. V. 113. № 10. P. 2625–2630.
- Sugiyama L.* Illness, injury, and disability among Shiwiari forager-horticulturists: Implications of health-risk buffering for the evolution of human life history // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2004. V. 123. P. 371–389.

Shame and devaluation: cross-cultural invariants

*K. I. Ananyeva**, *A. N. Kharitonov*** (Moscow),
*D. Sznycer**** (Santa Barbara, California)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

*** Ph. D., University of California

Hunters and gatherers are obligate collectivists. Each member of such a group depends on mutual assistance, which characterizes the social evolution of our species. Thus, from the cognitive point of view, this requires that every person can predict the degree of expected devaluation of the potential action,

for example, theft. The «system of shame» manifests all functional properties necessary to solve this adaptive task. The data obtained by us confirm that shame is one basic component of the human psyche. The study was conducted in 15 small communities scattered throughout South America, Africa and Eurasia. Despite differences in language, culture and way of life, shame is consistently tracks possible devaluation both locally in each community and across communities. This suggests that the “shame system” not only develops the same functional architecture everywhere, but also has a high degree of universality.

Keywords: shame, devaluation, cross-cultural studies, small communities, evolution.